

УДК 811.511.112

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-4-687-694

**Об именовании водяного в карельском языке:
семантико-этимологический аспект**

Т. В. Пашкова

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
tvpashkova05@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Данное исследование направлено на семантико-этимологический анализ способов образования лексем, номинирующих мифологему «водяной» в карельском языке. В статье представлен результат взаимовлияния языков и культур карельского, вепсского и русского народов, в результате контактирования которых зафиксированы общие лингвокультурологические данные.

Цель: рассмотреть карелоязычные именовании водяного в семантико-этимологическом аспекте.

Материалы исследования: диалектные словари карельского языка, образцы карельской речи, фольклорные тексты.

Результаты и научная новизна. Научная новизна заключается в комплексном исследовании карелоязычных диалектизмов, используемых для обозначения водяного. Всего семантико-этимологическому анализу подверглись около 50 диалектных форм, собранных из словарей карельского языка, образцов карельской речи и фольклорных текстов. В результате проведённого исследования определено, что идентифицированные леммы образованы посредством различных способов морфологической деривации: словосложение (напр., *vienižändy* ‘хозяин воды’, *vienemändy* ‘хозяйка воды’, *vienhaltie* ‘дух воды’) и суффиксация (путём присоединения словообразовательного форманта *-hine / -hini / -hiin / -hiene / -hinen* (напр., *vetehin'i*, *ved'ehin'i*, *vedehin'e*). Ряд наименований являются эвфемизмами (напр., *vezikuningas* ‘водяной король’), что указывает на опасение или нежелание называть мифологический персонаж его «прямым» названием. В одном прослеживается процесс персонификации: наименование *Jogi-Fed'oi* ‘Река-Федя’, которое, вероятно, связано с присвоением личного имени как знака особого почтения, уважения, поклонения. Некоторые лексемы относятся к пласту заимствованной лексики (напр., *näkki* ‘водяной / хозяин воды’ и его фонетическая вариация *sn'akki* ‘водяной / хозяин воды’).

Ключевые слова: именовании водяного, карельский язык, прибалтийско-финские языки, финно-угорские языки, семантико-этимологический анализ, словообразование

Для цитирования: Пашкова Т. В. Об именовании водяного в карельском языке: семантико-этимологический аспект // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 4 (59). С. 687–694.

**About the naming of water spirits in the Karelian language:
semantic and etymological aspect**

T. V. Pashkova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
tvpashkova05@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the study is aimed at a semantic and etymological analysis of the ways of forming lexemes that nominate the mythologeme “water spirits” in the Karelian language. The article presents the result of the mutual influence of languages and cultures of the Karelian, Vepsian and Russian peoples, as a result of their contact, common linguistic and cultural data are recorded.

Objective: to consider the Karelian names of water spirits in the semantic and etymological aspect.

Research materials: dialect dictionaries of the Karelian language, samples of Karelian speech, folklore texts.

Results and novelty of the research: the scientific novelty lies in the comprehensive study of Karelian dialectisms used to designate water spirits. In total, about 50 dialect forms collected from the dictionaries of the Karelian language, Karelian speech samples and folklore texts were subjected to semantic and etymological analysis. As a result, it was determined that the identified lemmas are formed by various methods of morphological derivation: compounding (e. g. *vienižändy* ‘master of water’, *vienemändy* ‘mistress of water’, *vienhaltie* ‘spirit of water’) and suffixation (by adding the word-forming formant *-hine / -hini / -hiin / -hiene / -hinen* (e. g. *vetehin'i*, *ved'ehin'i*, *vedehin'e*). A number of names are euphemisms (e. g. *vezikuningas* ‘water king’), which indicates a fear or unwillingness to name a mythological character by his “direct” name. In one, the process of personification can be traced: the name *Jogi-Fed'oi* ‘Fedya River’, which is probably associated with the assignment of a personal name as a sign of special respect, reverence, and worship. Some lexemes belong to the layer of borrowed vocabulary (e. g. *näkki* ‘waterman / master of water’ and its phonetic variation *sn'akki* ‘waterman / master of water’).

Key words: names of water spirits, Karelian language, Baltic-Finnish languages, Finno-Ugric languages, semantic and etymological analysis, word formation

For citation: Pashkova T. V. About the naming of water spirits in the Karelian language: semantic and etymological aspect // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (4/59): 687–694.

Введение

Мифологические представления народов вызывают неподдельный интерес у этнографов, фольклористов и лингвистов с точки зрения как этнографических, так и лингвокультурологических сведений. У этносов первичная мифологизация происходит в процессе постижения окружающей действительности, чем, вероятно, объясняется олицетворение той среды обитания, с которой народы соприкасались чаще всего: лес и вода. Не стали исключением и карелы, которые персонифицировали все природные объекты, стихии и др.

В данной статье проводится семантико-этимологический анализ именованных «водяного» в диалектах карельского языка. Поставленная в исследовании цель предполагает решение ряда задач: сбор мифологем из опубликованных лингвистических и фольклорно-этнографических источников; проведение семантико-этимологического анализа; анализ способов морфологической деривации; сравнение карело-язычных лемм с близкородственными прибалтийско-финскими языками, а также шире финно-угорскими языками и русским языком.

Образ водяного, как мифологического, а также фольклорного персонажа, рассматривался исследователями всесторонне [9; 11; 18; 36]. Однако, используемые для обозначения хозяина воды диалектизмы в карельском языке, не подвергались комплексному анализу, что определяет научную новизну данного исследования.

Карелоязычные именованные водяного фрагментарно анализировались в некоторых научных трудах [9; 11; 17]. В монографии Л. И. Ивановой, посвящённой персонажам карельской мифологической прозы предлагаются интерпретации некоторых наименований, номинирующих водяного в карелоязычных быличках, бывальщинах и поверьях (напр., *Ahti* ‘Ахти’, *järven emäntä* ‘хозяйка озера’) [9, 398]. Опубликованная в 2021 г. статья Т. В. Пашковой и А. П. Родионовой посвящена функционированию, семантике и этимологии словообразовательных формантов *-ndu/-ndy/-nd(e)* и *-hine* в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка, которые используются при образовании именованного *vedehine* ‘водяной’ [17, 20]. Об образе *vierissänakka* ‘мифическая хозяйка воды (во время Крещения)’ (букв.

‘Крещенская баба’), поверьях, связанных с её появлением, рассказывается в научной статье А. П. Конкка [11].

На материале вепсского языка к номинации рассматриваемого персонажа обращались И. Ю. Винокурова, О. Ю. Жукова, Н. Г. Зайцева [4; 7].

Во многих исследованиях финляндских лингвистов, этнографов и фольклористов затрагиваются различные аспекты мифологем и образов хозяина воды [28; 35; 36; 38].

Функционированию лемм, номинирующих водяного, в лингвокультурологическом тезаурусе финно-угров посвящены научные изыскания Е. А. Айбабиной [1], Е. В. Ложкиной [14], Т. В. Муравьевой [15], И. А. Подюкова [19], С. А. Поповой [20].

На теоретическую значимость исследования указывает возможность расширения знаний о лексическом составе языка карелов. Практическая значимость научного изыскания видится в применении полученных данных при разработке теоретических и практических курсов по диалектологии, лексикологии, развитию устной и письменной речи карельского языка, этнографии карельского народа и др.

Материалы и методы

Теоретико-методологической базой для проведения данного научного изыскания стали труды отечественных и зарубежных исследователей, затрагивающие различные вопросы формирования и развития мифологической лексики [2; 8; 10; 27; 28; 33]. Лексические единицы собирались с помощью метода сплошной выборки из опубликованных источников: карелоязычных диалектных словарей, образцов карельской речи и фольклорных текстов [21; 22; 23; 24; 26; 31; 32; 36].

Исследование проводилось посредством различных методов, способов и подходов: семантико-мотивационный, этимологический, компаративный, этнолингвистический, лингвокультурологический и др.

Результаты

Персонажами карельской древнейшей мифологической иерархии (стихийные духи принадлежат к низшей мифологии [15, 130]), отражающей истоки культуры народа, являются Ахти,

дева Велламо, Ику-Турсо / Турсо [9, 395–399]. Имена этих героев чаще всего встречаются в эпических песнях, заговорах, что указывает на архаичность воззрения карело-финского народа о божествах различных стихий. В северно-карельских диалектах карельского языка и финском языке наиболее известен мифоним *Ahti* [24, 12]. Стоит отметить, что в самом большом шеститомном карелоязычном диалектном словаре данная лексема не упоминается. Также она отсутствует во всех лексикографических изданиях ливвиковского и людиковского наречий карельского языка. В словаре народных традиций данная лексема определена как ‘водяной’, а также в эпосе «Калевала» – как ‘другое имя Лемминкяйнена’ [38, 133]. Впервые использование леммы *Ahti* зафиксировано во введении к переводу Псалтыри М. Агриколы, увидевшем свет в 1551 г. [37, I, 55–56]. Предположительно, лемма была заимствована карельским языком из финского языка с семантикой ‘хозяин воды, бог рыбаков, лесное божество или герой’, на что указывает её функционирование в карельских эпических песнях. Этимологи с осторожностью предполагают, что мифоним *Ahti* восходит к ингерманландскому слову *nahti*, номинирующему ‘тюленя’. На это указывают несколько фактов. Во-первых, лемма *Ahti* упоминается в текстах заговоров о добыче тюленя: «*hyle hytty, rasvamytty, veen Ahti armollinen*» ‘букв.: тюлень маленький, кучка жира, водяной (букв.: ‘воды Ахти милый’ (прим. автора: в подобных заговорах обращение ‘Ахти’ было направлено не к водяному, а к самому тюленю. По некоторым данным, тюлень ранее считался богом рыбной ловли, тогда как *Ahti* – его покровителем [35, 82]). Во-вторых, в некоторых рунах *Ahti* изображается с бородой, похожей на тюленью. В-третьих, промысел этого персонажа был связан с добычей рыбы или тюленей. В средние века церковь приравнивала тюленей к рыбе, относя их мясо тоже к постной пище в период поста [35, 8–9].

Мифологические представления любого народа находят отражение в его культуре, а также воздействует и на язык. Этнографы, этнологи и фольклористы уделяют пристальное внимание, прежде всего, представлениям о мифологических явлениях и персонажах, их функционированию и репрезентации [4; 9; 11; 18; 28]. Лингвисты же направляют своё внимание на создание лексических образов и номинацию. В народной культуре финно-угорских и славянских народов водные стихии олицетворя-

ют и считают их средой обитания для нечистой силы и душ умерших людей [13, 396; 25, 97]. В говорах карельского языка, равно как и в прочих прибалтийско-финских языках, воду обозначают идентичной леммой *vesi* лишь с незначительными фонетическими оттенками: *vezi* / *veži* / *vez'i* [22, 425; 23, 331; 24, 704; 32, 485]. В этимологическом словаре финского языка данная лексема обозначена соответствиями во всех прибалтийско-финских и финно-угорских языках (ср., напр., (вод., эст.) *vesi*, (вепс.) *vezi*, (лив.) *vei'z*, (венг.) *viz*), кроме саамского и хантыйского языка, в которых эквивалент *vesi* / *vezi* не зафиксирован. Рассматриваемое именование восходит к прауральской форме **wete*. Кроме того, в реконструированных основах индоевропейских языков прослеживаются следы древнего языкового родства (ср. **wed-*, **wod-*, **ud-*) [29, 1476–1477; 37, III, 429–430].

Одним из самых распространённых именовании, используемых для номинации водяного в диалектах карельского языка, а также в прибалтийско-финских языках является *vedehine* (с учётом локальных фонетических особенностей): (ск.) *vetehin'i*, *ved'ehin'i*, *vedehin'e*, *ved'ehine*, *vedähin'e*; (тв.г.) *ved'ehin'e*, *ved'eh'in'e*; (ливв.) *vedehin'e*, *vedähiin'*, *vedihäne*, *ved'ehiin*, *vedehine*, *vedehiän'e*, *vedehiene* [22, 421; 23, 328–329; 24, 705]; (люд.) *vedehine*, *vedehin'e*, *vedehine*, *vedehin'e*, *vedehin'e*, *vedehine* [32, 480]; (фин.) *vetehinen*; (вепс.) *vedehine* [37, III, 430]. Во всех упомянутых языках наименования образованы от производящей основы (*vede-* / *vete-*) имени существительного *vesi* / *vezi* ‘вода’ посредством присоединения словообразовательного форманта *-hine* / *-hini* / *-hiin* / *-hiene* / *-hinen*. С точки зрения семантики данные суффиксы сопровождают лексему – «название мифологического существа» или название «мифических и живых существ». По происхождению эти форманты возводят к историческим формам внутренне-местных падежей [3, 92; 17, 18–19]. Есть и другие предположения о происхождении данной мифологемы. Одно из них касается внешнего вида водяного: его прообразом считали русалку. Согласно второму, именование *vetehinen* произошло от русскоязычного слова *водяной* [35, 399].

По значению вышеуказанные карелоязычные именовании водяного являются полисемантическими: 1) (мифологическое) водяной, хозяин воды [31, 571–572]; 2) русалка [23, 136]; 3) о большой рыбе (в сравнении с водяным) (напр., *vain ku hauviv vetehisie šaima!* ‘шук наловили как

водяных (прим. автора: т. е. больших); 4) в качестве негрубого ругательства или в проклятиях (напр., *o šie stukoi stakoi, vetehisen toivopoika* ‘ах ты, такой-сякой, чтоб тебя водяной забрал’ (прим. автора: *toivopoika* ‘ребёнок, обещанный водяному’, т. е. иногда родители обещали отдать ребёнка водяному в обмен на богатство [30, 193]); *oho ved’ehin’e šie!* ‘ах-ты, водяной!’) [31, 571–572]; 5) (ругательное, бранное) ведьма (напр., *pahalaz’in ved’ehin’e* ‘чёртова ведьма’ [23, 328–329]; *oh, sinä kehnon pitkykassu vedehiene!* ‘ох, ты чёртова длиннокосяя ведьма!’ [22, 421]). Мифологема *vedehine / vetehini* представлена в карелоязычных идиомах исключительно с отрицательной коннотацией: *kun umpilammin vetehini* ‘безмолвный’ (букв.: ‘как водяной непроточной ламбы’); *ku Ven’an rannan vedehiene* ‘растрёпа’ (букв.: ‘как водяной российского берега’); *vetehisen mustasilmä* ‘завистливый’ (букв.: ‘черноглазка водяного’) [26, 237].

Не менее активными в употреблении являются диалектизмы *vienižandy / vienižändä / vienizändä / vejenisäntä* ‘хозяин воды’, *vienemandy / vienemändä / vejenemäntä* ‘хозяйка воды’, *vienhaltie / vienhaldii / vienhardii* ‘дух воды’, бытующие во всех наречиях карельского языка. По структуре данные леммы являются сложными словами, первая часть которых идентична с позиции семантики (*veen- / vien- / vein- / vejen-* ‘воды’), а также морфологическим признакам (комполит *veen- / vien- / vein- / vejen-* находится в генитивной форме от лексемы *vezi* ‘вода’). Интерес представляют вторые компоненты именовании – *ižandy / ižändä / izändä* ‘хозяин’ и *emandy / emändä / emäntä* ‘хозяйка’ –, указывающие на некую табуированность и гендерное отличие этих персонажей. По некоторым сведениям, хозяин и хозяйка воды являются семейной парой: (ливв.) «*On ota akku vedehizelgi. Se on vien emändy*» ‘Есть своя жена и у водяного. Это хозяйка воды’ [34, 3] (ср., напр., у удмуртов: у водяного владыки *Вуд Юмо* есть большая семья – жена *Вуд Ава*, дети и внуки [15, 32]; у марийцев: у водяного *Вуд Водыж* есть дочь, Водяная дева [15, 35]). Стоит отметить, что для обозначения жены водяного использовали наименование *akkavedehine* [31, 571–572] (букв.: *akka* ‘баба, жена’ + *vedehine* ‘водяной’), распространённое только в северных диалектах карельского языка.

Карелы различали хозяина и хозяйку водоёмов по внешнему виду, хотя у них отмечаются и общие черты во внешности [9, 401–407]. На наличие исключительно женского образа в водном пространстве указывают мифологемы

vejenemäntä ‘русалка’ [24, 699], *vedehine / vetehini* ‘русалка’ (ср. также (ругательное, бранное) ведьма) [21, 269; 23, 136], *toivikko* ‘русалка’ (от глаг. *toivuo* ‘предсказывать, верить, думать’ + девербальный суффикс *-ikko*) [26, 627], *rusalka* (от рус. *русалка*) [9, 401], *vierissänakka* ‘мифическая хозяйка воды (во время Крещения)’ (букв.: ‘Крещенская баба’) [26, 708]. Согласно верованиям карелов, в Крещение, когда гадают, то прислушиваются у проруби, не разговаривает ли с ними водяной. Водяной рассказывал всю жизнь того человека, который с ним начинал спорить [11, 140]. За три дня до Рождества начинались Святки и заканчивались за три дня до Крещения. Именно в это время появлялась Крещенская баба. По внешнему виду она напоминала водяного: лохматая, косматая, в рваной одежде, неухоженная [11, 129].

Компонент *haltie / haldii / hardii* ‘мифологическое существо; дух-защитник’, который является представителем низшей мифологии. По мнению карелов хозяева были у всех видов водоёмов, что выражается, например, в таких наименованиях как (ливв.) *joven emandy* ‘хозяйка реки’ [34, 3], (ливв., ск.) *jovenhaltie / jopenhaldii* ‘дух реки’, (ливв.) *järven neičyt* ‘озёрная девушка’, (ск.) *järven emäntä* ‘хозяйка озера’ [9, 400] (ср. (вепс.) *jarvenizand* ‘хозяин озера’, *ojanizand* ‘хозяин ручья’, *ojanemag* ‘хозяйка ручья’ [4, 117], (фин.) *joenhaltija* [37, I, 240]). К группе эфемизмов следует отнести и лемму *vezikuningas* ‘водяной король’ [31, 564], что указывает на опасение или нежелание называть мифологический персонаж его «прямым» названием (ср. у эстонцев – *Кала-кунингас* ‘Царь / Король рыб’ (букв.: ‘Рыба-король’) [18, 177].

В собственно карельском наречии карельского языка выявлено наименование *näkki* ‘водяной / хозяин воды’ и его фонетическая вариация *snäkki* ‘водяной / хозяин воды’, заимствованное в северо-карельские диалекты (Вокнаволоок, Суйстамо, Импилахти, Тунгуда) из финского языка, где является шведским заимствованием [37, II, 250].

Карелам была свойственно олицетворение мифологических персонажей, болезней, природных объектов и др. [16]. Для обозначения хозяина воды / водяного в ливвиковском наречии карельского языка зафиксировано единственное персонифицированное наименование *Jogi-Fed’oi* ‘Река-Федя’ [34, 3], которое, вероятно, связано с присвоением личного имени как знака особого почтения, уважения, поклонения. К сожалению, народная этимология данного именовании затемнена.

Некоторые лексемы, номинирующие водяного в диалектах карельского языка, используются с негативной семантикой ругательного или бранного слова. Первая из них, уже упоминалась выше – *vedehine* в значении ‘ведьма’. Другое наименование – *rosvetehine / rozvedehin'i / rozvedehine* ‘ужасный водяной’ [31, 571–572], образованное посредством присоединения к лемме *-vetehine / -vedehin'i* эмоционально-оценочной частицы – *ros / -roz*, используемой в северно-карельских диалектах собственно карельского наречия (напр., *kanalja* ‘каналья’ – *roskanalja* ‘ужасная каналья’).

Интересно сопоставить карельские номинации водяного с данными родственных финно-угорских языков, а также с диалектными формами русского языка. Например, эстонцы, как и прочие финно-угры, верили в различных «матерей» стихий: мать воды *Vetä-Эма*, подводная дева-русалка *Veeneitsi* и др. Существовали у них и поверья о *Veexaldyas* ‘хозяйка воды’, *Kala-Tont / Kala-Vaim* ‘дух рыбы’ [18, 177].

В списке богов, предложенном М. Агриколой, *veden emä* ‘мать воды’ упоминается как дарительница рыбы у карелов и эквивалент Ахти у западных финнов. Примечательно, что образ матери воды – женской хранительницы водной стихии – принадлежит к архаическим воззрениям разных народов (ср., напр., у марийцев считают землю, лес и воду живыми) [35, 394]. В некоторых поселениях Олонецкого района термином ‘хозяин’ обозначали также медведя и домового [12, 129]. В диалектах русского языка также бытуют наименования, называющие мифических существ, образованные с помощью способа морфологической деривации (суффиксального): *воденник, водыльник, водяник, воденной* ‘водяной; мифическое существо, живущее в воде’ [6, 61; 12, 11]) от имени прилагательного с корнем *-вод-*; *воденница, водяница, воденица* ‘жена водяного’ (образовано от лексемы *водяник*) [5, 36].

У северной группы манси выявлены духи-хозяева воды в женском образе, обитающих в различных водоёмах: реки, озёра, омуты, ручьи (см., напр., *я́ э́ква* ‘реки женщина’, *ту́р э́ква* ‘озера женщина’, *союм о́лнэ э́ква* ‘в ручье обитающая женщина’. Кроме того, у манси зафиксированы наименования, подтверждающие гендерные отличия и родственные отношения у рассматриваемого персонажа (напр., *Вит Хён* ‘Водный царь’ и *Вит Хён Аги* ‘Водного царя дочь’) [20, 160].

В языке коми-пермяков представлено более 20 лемм, номинирующих водяного в диалектах коми-зырянского языка, структурно представ-

ляющих собой однокомпонентные и двухкомпонентные лексемы. Большая часть являются составными лексическими единицами, содержащими в качестве основного компонента именования демонов, среду обитания, особенности внешнего вида (напр., *кузьюрсуа* (букв.: ‘длинноволосый’), *гёна-морт* (букв.: ‘мохнатый человек’), *бадь вужъя* (букв.: ‘ивовая коряга’) [1, 307–313].

Обсуждение и заключение

Таким образом, в диалектах карельского языка насчитывается около 50 диалектных форм, используемых для обозначения ‘водяного’ / ‘хозяина воды’ / ‘хозяйки воды’. Зафиксированные леммы имеют различное происхождение: морфологическая деривация, заимствования, эвфемизмы. Наиболее архаичной является Ахти, происхождение которой трактуется этимологами неоднозначно. Мифологические представления любого народа находят отражение в его культуре, а также воздействует и на язык. В говорах карельского языка, равно как и в прочих прибалтийско-финских языках, воду обозначают идентичной леммой *vesi* лишь с незначительными фонетическими оттенками: *vezi / veži / vez'i*, от которой посредством способов морфологической деривации образуются именования водяного: путём присоединения словообразовательного форманта *-hine / -hini / -hiin / -hiene / -hinen* (напр., *vetehin'i, ved'ehin'i, vedehin'e*) или словосложения (напр., *vienižändy* ‘хозяин воды’, *vienemändy* ‘хозяйка воды’, *vienhaltie* ‘дух воды’). Элементы именований *ižändy / ižändä / izändä* ‘хозяин’ и *emändy / emändä / emäntä* ‘хозяйка’ указывают на некую табуированность и гендерное отличие этих персонажей. По мнению карелов, хозяева были у всех видов водоёмов, что отражено в наименованиях: *joven emändy* ‘хозяйка реки’, *järven neičyt* ‘озёрная девушка’, *järven emäntä* ‘хозяйка озера’ и др. К группе эвфемизмов относится лемма *vezikuningas* ‘водяной король’, что указывает на опасение или нежелание называть мифологический персонаж его «прямым» названием. Лексемы *vedehine* в значении ‘водяной, ведьма’ и *rosvetehine / rozvedehin'i / rozvedehine* ‘ужасный водяной’ используются с негативной семантикой ругательного или бранного слова. Для обозначения хозяина воды / водяного в ливвиковском наречии карельского языка зафиксировано единственное персонифицированное наименование *Jogi-Fed'oi* ‘Река-Федя’, которое, вероятно, связано с присвоением

личного имени как знака особого почтения, уважения, поклонения. В собственно карельском наречии карельского языка выявлено наименование *näkki* 'водяной / хозяин воды' и его фонетическая вариация *sn'akki* 'водяной / хозяин воды', заимствованное в северно-карельские диалекты из финского языка, где является шведским заимствованием.

Семантико-типологический анализ показал семантическое, этимологическое и словообразовательное сходство именований, номинирующих водяного в карельском, вепсском и финском языках, что возможно объяснить тесным контактированием близкородственных прибалтийско-финских народов (напр., *vetehinen / vedehine, vienizändy / vedenemäntä*).

Список сокращений

венг. – венгерский язык, вепс. – вепсский язык, вод. – водский язык, лив. – ливский язык, ливв. – ливвиковское наречие карельского языка, люд. – людиковское наречие карельского языка, рус. – русский язык, ск. – собственно карельское наречие карельского языка, тв.г. – тверской говор собственно карельского наречия карельского языка, фин. – финский язык, эст. – эстонский язык.

Список источников и литературы

1. Айбабина Е. А. Наименования водяного духа-хозяина в диалектах коми-зырянского языка // *Linguistica Uralica*, 2022. № 4. С. 307–314.
2. Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Наименования нечистой силы в русских проклятиях // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. № 67. С. 5–27.
3. Бубрих Д. В. Историческая морфология финского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1995. 186 с.
4. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
5. Гусева Е. Р., Сидорова П. А. Лексемы с корнем -вод- в русских говорах Карельского Поморья // *Studia Humanitatis Voegalis / Северные гуманитарные исследования*. 2022. № 2. С. 32–39.
6. Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 455 с.
7. Жукова О. Ю., Зайцева Н. Г. «Лесной нос», «нос ветра», «проклятие воды»: мифология на службе номинации (вепсские наименования болезней, исходящих от лесных духов, воды и ветра) // *Научный диалог*. 2020. № 11. С. 53–66.
8. Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общей ред. А. Б. Мороза. М.: ФОРУМ; Неолит, 2023. 528 с.
9. Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. Ч. 1. 557 с.
10. Ивашинина Н. С. Семантический портрет духов воды в говорах севернорусского наречия // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2020. № 3 (146). С. 145–152.
11. Конкка А. П. Материалы по традиционным карельским праздникам северо-западных деревень // *На плечах Большой Медведицы. Избранные статьи. (Юбилейный сборник к 65-летию и 45-летию собирательской деятельности)*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 125–165.
12. Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб: издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1898. 151 с.
13. Левкиевская Е. Е., Усачёва В. В. Водяной // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 396–400.
14. Ложкина Е. В. Вумурт (водяной) в удмуртской сказочной традиции // *Вестник Удмуртского университета. Филологические науки*. 2007. № 5 (1). С. 133–136.
15. Муравьёва Т. В. Мифы Поволжья. От Волчьего владыки и Мирового древа до культа змей и птицы счастья. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 328 с.
16. Пашкова Т. В. Религиозно-мифологические воззрения карелов на болезни оспу, краснуху, корь и ветрянку // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2024. № 1 (64). С. 151–158.
17. Пашкова Т. В., Родионова А. П. Словообразовательные суффиксы *-ndu / -ndy / -nd(e)* и *-hine* в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка (на примере наименований заболеваний) // *Учёные записки Петрозаводского государственного университета*. 2021. Т. 43. № 3. С. 17–22.
18. Петрухин В. Карело-финские мифы. От «Калевалы» и птицы-демиурга до чуди и саамов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 240 с.
19. Подюков И. А. Коми-пермяцкая мифологическая лексика и фразеология как объект лексикографического описания // *Вопросы лексикографии*. 2018. № 14. С. 107–121.
20. Попова С. А. Мифоритуальные представления северных манси о водных духах *Vum Xõn* и *Vum Xõn Ägu* // *Вестник угроведения*. 2018. Т. 8. № 1. С. 155–162.
21. Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты) / сост.: П. М. Зайков [и др.]. Петрозаводск: Периодика, 2015. 360 с.
22. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
23. Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
24. Словарь собственно-карельских говоров Карелии / сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск: КнигоГрад, 2009. 752 с.

25. Усачёва В. В. Водяной // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 97–99.
26. Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000. 260 с.
27. Чугунекова А. Н. Фразеологические и паремические единицы с компонентом суф ‘вода’ в хакасском и тувинском языках // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Т. 8-1 (59). С. 142–146.
28. Naavio M. Suomalaiset kodinhaltijat. Porvoo; Helsinki: W. Söderström, 1942. 590 p.
29. Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. 1633 p.
30. Jyrinoja V. Akonlahden arkea ja juhlaa. Turku: SKS, 1965. 279 p.
31. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 2005. VI. 782 p.
32. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 p.
33. Lavrenova O. On the Borderline of the Worlds: Swamps in the mythopoetic world picture of the peoples of Russia // Shima. 2022. № 16 (2). Pp. 67–82.
34. Mihailova M. Luondon ižändät // Oma mua. 1995. № 13 (243). P. 3.
35. Pulkkinen R., Lindfors S. Suomalaisen kansanuskon sanakirja. Tallinna: Gaudeamus, 2016. 432 p.
36. Suomen kansan muinaisia taikoja. II. Kalastustaikoja. Helsinki: SKS, 1892. 123 p.
37. Suomen sanojen alkuperä / Päätoim. E. Itkonen, U-M. Kulonen. Helsinki: SKS, 1992. Vol. I. 486 p.; 1995. Vol. II. 470 p., 2000. Vol. III. 478 p.
38. Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1979. 543 p.

References

1. Aybabina Ye. A. *Naimenovaniya vodyanogo dukha-khozyaina v dialektakh komi-zyryanskogo yazyka* [Names of a water spirit-master in the dialects of the Komi-Zyryan language]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2022, no. 4, pp. 307–314. (In Russian)
2. Berezovich Ye. L., Surikova O. D. *Naimenovaniya nechistoy sily v russkikh proklyatiyakh* [Names of evil spirits in Russian curses]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philology], 2020, no. 67, pp. 5–27. (In Russian)
3. Bubrikh D. V. *Istoricheskaya morfologiya finskogo yazyka* [Historical morphology of the Finnish language]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1995. 186 p. (In Russian)
4. Vinokurova I. Yu. *Mifologiya vepsov: entsiklopediya* [Mythology of the Vepsians: encyclopedia]. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2015. 524 p. (In Russian)
5. Guseva Ye. R., Sidorova P. A. *Leksemy s kornem -vod- v russkikh govorakh Karel'skogo Pomor'ya* [Lexemes with the root -vod- in the Russian dialects of the Karelian Pomorje]. *Studia Humanitatis Borealis / Severnyye gumanitarnyye issledovaniya* [Studia Humanitatis Borealis / Northern Humanitarian Studies], 2022, no. 2, pp. 32–39. (In Russian)
6. Durov I. M. *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v yego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the living Pomor language in its everyday and ethnographic use]. Petrozavodsk: Karelskiy nauchnyy centr RAN Publ., 2011. 455 p. (In Russian)
7. Zhukova O. Yu., Zaytseva N. G. “Lesnoy nos”, “nos vetra”, “proklyatiye vody”: mifologiya na sluzhbe nominatsii (vepsskiye naimenovaniya bolezney, iskhodyashchikh ot lesnykh dukhov, vody i vetra) [“Forest nose”, “nose of the wind”, “curse of water”: mythology at the service of nomination (Vepsian names of diseases emanating from forest spirits, water and wind)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2020, no. 11, pp. 53–66. (In Russian)
8. *Znatki, veduny i chernoknizhniki: koldovstvo i bytovaya magiya na Russkom Severe* [Experts, sorcerers and warlocks: witchcraft and everyday magic in the Russian North]. Ed. A. B. Moroz. Moscow: FORUM; Neolit Publ., 2023. 528 p. (In Russian)
9. Ivanova L. I. *Personazhi karel'skoy mifologicheskoy prozy: issledovaniya i teksty bylichek, byval'shchin, poveriy i verovaniy karelov* [Characters of Karelian mythological prose: research and texts of tales, stories, superstitions and beliefs of the Karelians]. Moscow: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2012. Part 1. 557 p. (In Russian)
10. Ivashinina N. S. *Semanticheskij portret dukhov vody v govorakh severnorusskogo narechiya* [Semantic portrait of water spirits in the dialects of the Northern Russian dialect]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2020, no. 3 (146), pp. 145–52. (In Russian)
11. Konkka A. P. *Materialy po traditsionnym karel'skim prazdnikam severo-zapadnykh dereven'* [Materials on traditional Karelian holidays of northwestern villages]. *Na plechakh Bol'shoy Medveditsy. Izbrannyye stat'i. (Yubileynyy sbornik k 65-letiyu i 45-letiyu sobiratel'skoy deyatel'nosti)* [On the shoulders of the Big Dipper. Selected articles. (Jubilee collection for the 65th and 45th anniversary of collecting activity)]. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy centr RAN Publ., 2014. Pp. 125–165. (In Russian)
12. Kulikovskiy G. I. *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v yego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic use]. Saint-Petersburg: izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1898. 151 p. (In Russian)
13. Levkijevskaya Ye. Ye., Usacheva V. V. *Vodyanoy* [Water spirit]. *Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Ed. N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995. Vol. 1. Pp. 396–400. (In Russian)
14. Lozhkina Ye. V. *Vumurt (voda) v udmurtskoy skazochnoy traditsii* [Vumurt (water) in the Udmurt fairy-tale tradition]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Bulletin of the Udmurt University. Philological Sciences], 2007, no. 5 (1), pp. 133–136. (In Russian)
15. Muravyoeva T. V. *Mify Povolzh'ya. Ot Volch'yego vladyki i Mirovogo dreva do kul'ta zmey i ptitsy schast'ya* [Myths of

the Volga Region. From the Wolf Lord and the World Tree to the Cult of Snakes and the Bird of Happiness]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2023. 328 p. (In Russian)

16. Pashkova T. V. *Religiozno-mifologicheskiye vozzreniya karelov na bolezni ospu, krasnukhu, kor' i vetryanku* [Religious and mythological views of the Karelians on the diseases smallpox, rubella, measles and chickenpox]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2024, no. 1 (64), pp. 151–158. (In Russian)

17. Pashkova T. V., Rodionova A. P. *Slovoobrazovatel'nyye suffiksy -ndu /-ndy /-nd(e) i -hine v livvikovskom i lyudikovskom narechiyakh karel'skogo yazyka (na primere naimenovaniy zabolevaniy)* [Derivational suffixes -ndu /-ndy /-nd(e) and -hine in the Livvi and Ludic dialects of the Karelian language (in the names of illnesses and diseases)]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2021, no. 43 (3), pp. 17–22. (In Russian)

18. Petrukhin V. *Karelo-finskiye mify. Ot "Kalevaly" i ptitsy-demiurga do chudi i saamov* [Karelian-Finnish myths. From "Kalevala" and the demiurge bird to Chud and the Sami peoples]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2023. 240 p. (In Russian)

19. Podyukov I. A. *Komi-permyatskaya mifologicheskaya leksika i frazeologiya kak ob'yekt leksikograficheskogo opisaniya* [Komi-Permyak mythological vocabulary and phraseology as the object of lexicographic description]. *Voprosy leksikografii* [Issues of Lexicography], 2018, no. 14, pp. 107–121. (In Russian)

20. Popova S. A. *Miforitual'nyye predstavleniya severnykh mansi o vodnykh dukhakh Vit Khōn i Vit Khōn Āgi* [Mythical and ritual ideas of the Northern Mansi people about the water spirits Vit Khōn and Vit Khōn Āgi]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (1), pp. 155–162. (In Russian)

21. *Russko-karel'skiy slovar' (severnokarel'skiye dialekty)* [Russian-Karelian dictionary (North Karelian dialects)]. Comp. P. M. Zaykov [et al.]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2015. 360 p. (In Russian, Karelian)

22. *Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskiy dialekt)* [Dictionary of the Karelian language (Livvik dialect)]. Comp. G. N. Makarov. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1990. 495 p. (In Russian, Karelian)

23. *Slovar' karel'skogo yazyka (tverskiye govory)* [Dictionary of the Karelian language (Tver dialects)]. Comp. A. V. Punzhina. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1994. 396 p. (In Russian, Karelian)

24. *Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov Karelii* [Dictionary of the proper Karelian dialects of Karelia]. Comp. V. P. Fedotova, T. P. Boyko. Petrozavodsk: KnigoGrad Publ., 2009. 752 p. (In Russian, Karelia)

25. Usacheva V. V. *Vodyanoy* [Water spirit]. *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Ellis Luck Publ., 1995. Pp. 97–99. (In Russian)

26. Fedotova V. P. *Frazeologicheskiy slovar' karel'skogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Karelian language]. Petrozavodsk: Karelia Publ., 2000. 260 p. (In Russian, Karelia)

27. Chugunekova A. N. *Frazeologicheskiye i paremicheskiye yedinitsey s komponentom sug' 'voda' v khakasskom i tuvinskom yazykakh* [Phraseological and paremiological units with the component sug' 'water' in the Khakass and Tuvan languages]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2021, no. 8–1 (59), pp. 142–146. (In Russian)

28. Haavio M. *Suomalaiset kodinhaltijat*. Porvoo, Helsinki: W. Söderström, 1942. 590 p. (In Finnish)

29. Häkkinen K. *Nykysuomen etymologinen sanakirja*. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. 1633 p. (In Finnish)

30. Jyrinoja V. *Akonlahden arkea ja juhlaa*. Turku: SKS, 1965. 279 p. (In Finnish, Karelian)

31. *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 2005. VI. 782 p. (In Finnish, Karelian)

32. Kujola J. *Lydydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki: SUS, 1944. 543 p. (In Finnish, Karelian)

33. Lavrenova O. On the Borderline of the Worlds: Swamps in the mythopoetic world picture of the peoples of Russia. *Shima*, 2022, no. 16 (2), pp. 67–82. (In English)

34. Mihailova M. Luondon izändät. *Oma mua*, 1995, no. 13 (243), p. 3. (In Karelian)

35. Pulkkinen R., Lindfors S. *Suomalaisen kansanuskon sanakirja*. Tallinna: Gaudeamus, 2016. 432 p. (In Finnish)

36. *Suomen kansan muinaisia taikoja. II. Kalastustaikoja*. Helsinki: SKS, 1892. 123 p. (In Finnish, Karelian)

37. *Suomen sanojen alkuperä*. Päätoim. E. Itkonen, U-M. Kulonen. Helsinki: SKS, 1992. Vol. I. 486 p.; 1995. Vol. II. 470 p.; 2000. Vol. III. 478 p. (In Finnish)

38. Vuorela T. *Kansanperinteen sanakirja*. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1979. 543 p. (In Finnish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пашкова Татьяна Владимировна, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), доктор исторических наук, доцент.

tvpashkova05@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0505-4767

ABOUT THE AUTHOR

Pashkova Tatyana Vladimirovna, Head, Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenin Str., 33), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor.

tvpashkova05@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0505-4767